

УЗОРЫ
НА
ОБОЯХ

АЛЕКСАНДР
КАРПОВ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Карпов, Александр.

К26 Узоры на обоях / Александр Карпов. — Москва : Эксмо, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-04-114053-3

Наше настоящее соткано из прошлого.

Несколько столетий назад два рода сошлись, чтобы сделать Андрея невольным свидетелем жестоких преступлений отца. Парализованный и немой от рождения мальчик не в силах противостоять власти прошлого, но отчаянно желает хоть как-то повлиять на будущее. Единственное, что может делать Андрей, — выстукивать слова на печатной машинке левой рукой. Однако он задумал совершить поступок по-настоящему отчаянного человека — прервать род убийц, насчитывающий четырнадцать поколений, расправившись с собственным отцом.

Немота и немощь, бесконечная череда страданий, унижений и потерь не согнули Андрея, и он идет к своей цели не сворачивая, но получится ли у него одолеть веру, любовь и милосердие, что также были унаследованы им от предков матери?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Карпов А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-114053-3

Сегодня я убью своего отца.

Нельзя сказать, что мысль эта была для Андрея новой, что он только что сформулировал ее. Скорее наоборот: он давно ее вынашивал или, лучше сказать, она в нем жила, потому что вынашивал — значит согревал, обдумывал план действий и заботился о его исполнении, а ведь на самом деле никакого плана не было — он не знал, как это точно произойдет, чем сделает это. И мысль эта просто жила в нем сама по себе, и когда он ее произнес, то есть достал откуда-то из глубины и показал самому себе, это была очень знакомая и простая вещь, которая не вызвала восторга, удивления или трепета. Она пробудила в нем не больше чувств, чем программа телепередач, которую он видел каждый день на журнальном столике общей гостиной в «Лесной сказке», где собирались старики и где он провел последние три года.

Единственное, что он ощутил в тот момент, да и то мгновением позже, после того как обозначил свое намерение, — это презрительное отвращение, но даже не к жертве, не к самому факту ее убийства, а к ее существованию. Такое отвращение испытывает, пожалуй, дезинсектор к тараканам, когда они хрустят под

резиновой подошвой новехоньких ботинок, которые ему только что выдало начальство. Он уже считал их своими и даже планировал прогуляться в них вечером (нужно будет только прикрыть брючиной шеврон на голенище с названием фирмы) и очаровать их блеском какую-нибудь девицу, но теперь вынужден ступать по ковру из насекомых, растапывая вместе с ними и свои грандиозные планы.

Комната Андрея находилась на четырнадцатом этаже гостиницы «Иртыш». Самая дешевая, которую предлагали почти за бесценок из-за ее потолка, потому что с него свисал прямо по центру прямоугольный беленый короб, занимающий две трети всего пространства. Так что, входя, постояльцы попадали в узкий коридор и могли обойти комнату только по периметру. Кровать стояла ровно под коробом, но надо отдать должное смекалке работников гостиницы, которые подпилили ее ножки так, что на нее можно было вкатиться боком и вполне комфортно переворачиваться во сне. Был, правда, еще один нюанс, о котором умалчивали и горничные, и портье, и метрдотель. За коробом был спрятан двигатель служебного лифта. Это становилось ясно, когда постояльцы, попавшиеся на удочку собственной скупости, обнаруживали его нестерпимый гул.

Особенно часто его было слышно рано утром, когда горничные собирались на пересменку, вечером — по той же причине, в середине дня — когда они готовили номера к новому потоку гостей, и еще добрую сотню раз в день, когда официанты и горничные поднимались и спускались на нем, исполняя прихоти и нужды своих постояльцев. Двигатель затихал толь-

Узоры на обоях

ко после полуночи, когда заканчивался рум-сервис. Но ровно в пять утра снова раздавался щелчок (кто-то нажимал кнопку вызова), затем нарастающее «у-у-у», которое сопровождалось металлическим скрежетом (железный трос наматывался на вал), — и все это происходило прямо над головой и представлялось в воображении так ясно, что очумевшие от шума гости ощущали всем телом каждую деталь невидимого механизма и могли, казалось, разобрать и собрать его по запчастям с закрытыми глазами. Это неприятное обстоятельство не сглаживало даже панорамное окно от пола до потолка, которое открывало незавидному постояльцу уходящий за горизонт город со всеми его бесчисленными трубами, беспрестанно чадящими и отравляющими легкие его жителей.

Но ни у Андрея, ни у Джонни (которая еще спала) не было возможности снять номер лучше, так как почти все, что они накопили за год (каждый день вытаскивая из пожертвований Свидетелей), потратили на проживание в этой гостинице.

Андрей сидел у окна в своей коляске, на тумбочке перед ним стояла пишущая машинка с золотым оттиском на каретке — «Ремингтон № 10», из нее торчал исписанный лист бумаги. Под окном вдоль берегов реки, запертой в каменный парапет, пролегли асфальтовые дорожки, по которым, несмотря на ранний час (он глянул на часы Джонни, лежавшие на прикроватной тумбочке, — они показывали четыре пятнадцать), уже бегали доморощенные спортсмены. В слабом утреннем свете их яркие майки — а по всем правилам они должны быть яркими — выглядели застиранными. Окно было открыто нараспашку, и на

улице стояла такая тишина (и пока еще в комнате), что Андрей слышал, как подошвы спортсменов слегка касаются мокрого от росы асфальта, слышал тяжелое дыхание бегунов и, как ему казалось, различал музыку в их наушниках. Река, усмиренная бетонной рубашкой, была спокойна. Над ней стелился густой туман. Он смешивался с утренним запахом свежести, сладкой горечью кленовых почек и вваливался волнами в окно.

Андрей жадно ловил каждую из этих волн, если так можно сказать про немного парализованного, который был похож скорее на каменное изваяние, нежели на того, кто может хоть что-то поймать. Но так ему казалось, представлялось в воображении, когда воздух приносил в окно все эти звуки и запахи, что он хватал их всей своей кожей, всем своим существом, словно купался в его порывах. Если бы он мог бежать там (подумал он), вместе с ними, он бы мог остановиться у парапета и дышать кленовым туманом, пока не потеряет сознание.

Джонни проснулась, села на кровати и посмотрела на него:

— Закончил?

Даже если бы он не ответил ей, потому что не захотел, а не потому что не мог, она бы поняла его. Она подошла, взяла его руку, поцеловала ее и улыбнулась.

— У нас еще есть время.

Она стянула с себя одежду, в которой уснула вчера, и поплелась в ванную. Но она могла бы стоять рядом у парапета. Он вспомнил, что точно так же пахло кленом, когда он приехал в «Лесную сказку» и она встречала его с Настоятелем. Так что этот запах мож-

Узоры на обоях

но считать их запахом. И если бы он мог бежать там, то она непременно бежала бы рядом и они непременно остановились бы на повороте реки и вдыхали бы кленовый туман до головокружения.

Джонни уронила лейку душа. Андрей снова взглянул на часы. Четыре тридцать пять. Одиночество бегунов уже было нарушено. К ним один за другим примыкали обычные прохожие. Город постепенно просыпался. Андрей почувствовал себя разбитым. Его силы таяли вместе с утренней свежестью, предрассветными запахами, звуками и туманом. Бегуны расходились по домам, можно было сказать, что они разбегались, но это звучало бы, словно они струсили, так что они гордо расходились быстрым шагом, уступая тихую набережную шумным ботинкам, запаху табака, кашлю, телефонным разговорам, шуршанию болоньевых плащей, гулким утренним диалогам, густым шлейфам духов и алкогольных перегаров.

Вода в ванной перестала шуметь. Четыре сорок пять. Еще пятнадцать минут тишины. Лейка со стуком вошла в держатель. Андрей расслышал — или так ему показалось, но все же было абсолютно очевидным, — как Джонни ступила на холодную плитку и тянется за полотенцем, пока капли воды скатываются по ней. Ей приходится шагнуть за ним, и за это время под ее ногой успевают набежать небольшая лужица. Но ведь можно было даже просто стоять у парапета и курить, необязательно бегать. Вдыхать едкий пьянящий дым, а между затяжками — кленовый туман.

Набережная заполнилась прохожими. Андрей различил небольшой катер, идущий вверх по реке. Горизонт стал розовым, и серые лица прохожих обрели

свои черты. Запоздалые спортсмены брезгливо протискивались сквозь толпу. Они выглядели как редкие ночные насекомые среди непримечательных рабочих жуков. Но проходим было все равно. Они не жаловали их, не уступали место на тротуаре. Время бегунов вышло, теперь эта набережная принадлежала им. Город зашумел, еще не так явно, еще будто издалека, но все же в воздухе уже не улавливались отдельные звуки и запахи, а постепенно нарастала какофония. Катер подошел к гостинице, остановился у небольшого понтона, за которым на берегу стояла будка. Двое мужчин в рабочей форме перебрасывались шутками и затягивали швартовые. Они говорили, курили и работали руками одновременно, поэтому сигареты в их ртах то подергивались вверх-вниз, вторя артикуляции, то застывали от напряжения, когда мужчины тянули трос. Дым разъедал им глаза, они щурились, но это, кажется, их только подзадоривало, и они действовали еще быстрее. Горстка людей на берегу, видимо, ждала их прибытия. Потому что, как только один из рабочих спрыгнул с катера, они подтянулись к будке, купили билеты и стали забираться на катер. Андрей снова взглянул на часы Джонни. Четыре сорок восемь. Значит, примерно в пять отправляется первый рейс.

Джонни вышла из ванной. Голая, она подошла к Андрею, развернула его кресло от стоящей перед ним пишущей машинки к себе и начала игриво одеваться. Такая же тонкая, как в первый день их знакомства, белокожая, как будто время только вытягивало ее вверх, не прибавляя возраста и объема. Она хотела что-то сказать ему, но внутри короба раздался щелчок, и двигатель взвыл, заглушая ее. Она засмеялась,

Узоры на обоях

но ее не было слышно. Она подскочила к машинке, вытащила исписанный лист, ловко вставила чистый и напечатала: «спущусь к завтраку, хочешь ченить?» Затем повернула его к машинке и положила на черные клавиши его руку: «курить». Она улыбнулась, достала из рюкзака сигареты и прикурила одну, села на стол рядом с машинкой и вставила сигарету ему в губы. Он затанулся. Она отняла сигарету в ожидании выдоха. Потом дала ему сделать еще несколько затяжек, затанулась сама, кинула окурок вниз из окна и, опершись руками о раму, наблюдала за ним, пока он не пролетит четырнадцать этажей и не упадет, брызнув искрами, на асфальт.

Лифт затих. Она еще раз спросила: «Есть будешь?» И, не дождавшись ответа, пошла к выходу: «Ладно, на мое усмотрение». Она сняла с ручки табличку «Не беспокоить» и вышла из номера.

Двигатель снова взвыл. На этот раз его движение было дольше обычного. Он идет вниз, до конца. Слышно, как балласт поднимается ближе и ближе к комнате, остановка, несколько щелчков, кто-то с шумом входит в кабину, снова щелчки, работает привод дверей, трещит металлический трос, балласт шумно скользит вниз, лифт едет наверх, двери открываются.

Джонни вернулась в шесть. Принесла Андрею сок и помогла выпить. Затем придвинула стол с машинкой вплотную к коляске и положила руку Андрея на клавиши.

— Ну все, мне пора. Отдохни, если хочешь. Я его найду.

Андрей ударил по клавишам: закончил.

Она посмотрела на него испуганно, будто не ожидала, что все произойдет так скоро. Глаза ее стали влажными, она потянулась к исписанному листу, но осеклась и замерла.

— Прочту позже.

Джонни накинула бесформенную куртку, в которой была похожа на мальчишку, спрятала волосы под бейсболкой, укрылась капюшоном и вышла.

Андрей снова взглянул на город. Набережная, пристань, река и парк за ней уже были залиты солнцем. Оно светило из-за гостиницы, и ее длинный силуэт лежал строгой тенью прямо посередине пейзажа, как отрезанный серый ломоть между рекой и парком. Он никогда раньше не видел этого места с высоты. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения. Теперь он чувствует себя чужаком, частью совсем другого мира, чувствует, что больше не имеет к этому городу никакого отношения. Вся его прежняя жизнь, вместе с воспоминаниями о ней, растворилась в этом густом воздухе, в смоге этого города, умерла. У него больше нет прошлого.

Ему стало не по себе от этой мысли. Он попытался отделаться от нее, посмотрел на пристань, надеясь увидеть катер, но его уже не было. Только небольшой прогулочный пароход выделялся мертвым белым пятном, отражая своей белизной ядовитое солнце, и яд этот медленно проникал в Андрея. Он слышал, как в его животе открывается дыра, будто стоило только вернуться в этот город, глотнуть этого воздуха, чтобы почувствовать снова эту огромную язву, ноющую, тошнотворную. Она отдавала мучительной тоской, неистовым и необъяснимым волнением, неумным

Узоры на обоях

животным страхом, оглушала его до звона, обжигала, заставляла его сердце биться с бешеной скоростью.

Пронзительно загудел лифт, лучи солнца потекли в комнату, медленно, как ртуть из переполненной раковины, заполняли светом все. Разъедали жидкие шторы, заливали своей желчью стены и предметы.

Андрей сквозь дикий гул лифта слышал, как бьется его сердце неистовым галопом, будто пытается вырваться из груди его недвижимого тела.

Он посмотрел на исписанный ночью лист, и ему показалось, что он произнес вслух (только лифт заглушил его и он не расслышал собственный голос): «Я закончил. Сегодня я убью своего отца». И он поверил в это, как поверил в свой прорвавшийся голос, поверил, как паломник, которому молитвой удалось сдвинуть гору.

II

Все началось, когда рыжий предок Андрея, похожий на бродягу, ранним весенним утром, изнывая от бесконечных переходов по горам и долинам в поисках серебряной руды, потому что он был послан за тысячами километров от столичной жизни именно за этим, награжден имперской грамотой и указанием употреблять любые силы для изысканий, вел за собой еще два десятка таких же грязных и оборванных бродяг, покрытых язвами, изувеченных, с онемевшими ногами, гнившими в изодранных сапогах от бесконечной ходьбы, грязи, грибка, развороченных кровавых мозолей, но бродяг, не одухотворенных даже императорским благословением, как он сам, а идущих за деньги, которых они не видели еще ни разу вот уже несколько лет, потому что этот поход не имел конца, а некоторые из них не могли даже рассчитывать и на деньги, потому что по чьей-то воле, которая никак не укладывалась в их голове, но была неоспоримой, неотвратимой и неподвластной им, принадлежали этому рыжему бородачу, были его собственностью, его крепостными, выполняли все его приказы и знали, что за послушание их ждет смерть. Так вот, это рыжее существо, а иначе не скажешь, потому что одежда

Узоры на обоях

его покрылась потом и кровью, заросла грязью, таким слоем, что можно было сажать в нее мелкий кустарник — ну или, по крайней мере, мох, а сам он оброс так, что едва были видны воспаленные глаза и уши, это рыжее существо занесло ногу над островерхим валуном, где лежала оранжевая ящерица, обнявшая цепкими лапками самый пик камня и еще не ожившая после ночного холода, наступило на нее, слегка поскользнувшись на ее тонком хвосте, который тут же оторвался и скрылся под тяжелой подошвой, а сама ящерица, очнувшись, юркнула под камень, и глянуло на открывшуюся ему долину.

Это была конечная точка его путешествия, причем конечная во всех своих смыслах, потому что валун, на котором стоял Рыжий, был испещрен жилами серебра, а долина, на краю которой лежал этот валун, была окружена такими же валунами, пусть даже еще и не отделенными друг от друга и составляющими обширную горную цепь, распираемую изнутри тем, что искал этот грязный бородач. И те из двадцати, перед которыми тоже открылась эта долина, смертельно уставшие от приказов выполнять самую тяжелую работу в этом бесконечном походе: нести инструмент, обеспечивать Рыжего всем необходимым, обслуживать мастеровых, геологов и всех тех, кто был здесь не по принуждению, как они, не по неведомому им, неоспоримому и неотвратимому року судьбы, а рассчитывал на деньги и по собственному желанию питался корой и корнями, заваривал кипятком хвою вместо чая, разбивался в ущельях, ломал конечности и шеи и замерзал насмерть (ведь в начале похода было сто человек, а теперь осталось двадцать), эти